

Бусы из египетского фаянса в виде льва и скарабея в памятниках пьяноборской культуры

Рузиль Раильевич Саттаров^{1, #}, Александр Анатольевич Красноперов²,
Галина Николаевна Журавлева³

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт археологии
им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

² Удмуртский институт истории, языка, литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия

³ Независимый исследователь, Ижевск, Россия

[#] E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Аннотация. Статья продолжает цикл работ по исследованию бус из египетского фаянса, найденных в памятниках пьяноборской культуры. Интерес к этим артефактам обусловлен их культурно-исторической значимостью и возможностью использования для датировки археологических комплексов. Целью работы является публикация и детальная характеристика закрытых погребальных комплексов, содержащих бусины в форме льва и скарабея, регулярно встречающихся совместно в пьяноборских захоронениях. Для достижения этой цели авторами проведен масштабный сбор и анализ доступных источников, включающих научные отчеты, полевые материалы, музейные коллекции и собственные наработки, с целью уточнения контекста известных находок. В работе анализируются находки бусин из пяти могильников: Афонинский, Тарасовский, Чегандинский II, Юлдашевский и Новосасыкульский. Особо следует отметить Новосасыкульский могильник, расположенный на южной окраине ареала пьяноборской культуры, где обнаружено 11 экземпляров исследуемых бус, что является наибольшим количеством по сравнению с другими могильниками. Всего в пьяноборской культуре известна 21 бусина в виде льва и скарабея, позволяющая датировать соответствующие погребальные комплексы первыми веками нашей эры.

Ключевые слова: Пьяноборская культура, хронология, типология, египетский фаянс, фигурные бусы, геометрические бусы, округло-ребристые бусы

Цитирование. Саттаров Р.Р., Красноперов А.А., Журавлева Г.Н., 2025. Бусы из египетского фаянса в виде льва и скарабея в памятниках пьяноборской культуры, *Уфимский археологический вестник*, т. 25, № 3, с. 533–546. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.3.036>

Финансирование. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Благодарности. Авторы благодарят хранителя фонда «Археология» Национального музея Республики Башкортостан к.и.н. С.Л. Воробьеву; хранителя фонда «Археология» Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН к.и.н. Э.В. Камалеева; хранителя фонда «Археология» Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Н.Л. Решетникова; заведующую учебно-научным кабинетом при кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии УдмГУ В.А. Бернц, за помощь в работе с коллекциями.

Lion- and Scarab-Shaped Egyptian Faience Beads in the Pyany Bor Culture Sites

Ruzil R. Sattarov^{1, #}, Aleksandr A. Krasnoperov², Galina N. Zhuravleva³

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

² Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

³ Independent researcher, Izhevsk, Russia

[#] E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Abstract. The article continues the cycle of papers focused on studying Egyptian faience beads discovered in the Pyany Bor Culture monuments. These artifacts raise interest with their cultural and historical significance and suitability for archaeological complex dating. The aim of the study is to thoroughly describe and publish

closed burial complexes that contain lion- and scarab-shaped beads regularly found in the Pyany Bor burials. To attain this goal, the authors have collected and analysed a substantial scope of available sources. The sources include scientific reports, field materials, museum collections and proprietary researches and serve to clarify the context of the explored finds. The study reviews beads found across five cemeteries such as Afoninsky, Tarasovsky, Chegandinsky II, Yuldashevsky and Novoassykulsky. It is particularly noteworthy that the Novoassykulsky cemetery situated in the Pyany Bor culture area south reveals 11 beads in question. This is the largest collection compared to other burial grounds. Totally, the Pyany Bor culture reveals 23 lion- and scarab-shaped beads that allow to date the associated burial complexes back to the early centuries AD..

Keywords: Pyany Bor culture, chronology, typology, Egyptian faience, shaped beads, geometrical beads, ribbed round beads

Citation. Sattarov, R.R., Krasnoperov, A.A., Zhuravleva, G.N., 2025, "Lion- and Scarab-Shaped Egyptian Faience Beads in the Pyany Bor Culture Sites", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 25, no. 3, pp. 533–546. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.3.036>

Funding. The study is sponsored by the grant of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan allocated to young candidates of sciences (postdoctoral researchers) to facilitate their doctoral dissertations, researches and jobs at scientific and educational organizations in the Republic of Tatarstan under the Science and Technology Development State Program of the Republic of Tatarstan.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the Candidate of History S.L. Vorobyeva, the keeper of the Archaeology Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan; the Candidate of History E.V. Kamaleev, the keeper of the Archaeology Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography under the RAS Ufa Scientific Centre Institute of Ethnological Research; N.L. Reshetnikov, the keeper of the Archaeology Collection of the Sarapul History & Architecture Art Museum and Reserve; V.A. Bernts, the Head of the Education & Research Laboratory at the Department for Udmurtia History, Archaeology and Ethnology under the Institute of History and Sociology of the Udmurtia State University, for assisting the collections review.

Введение

Настоящая статья продолжает цикл исследований, направленных на реконструкцию культурных связей населения Прикамья в эпоху раннего железа. В качестве источника по теме используются находки бусин из египетского фаянса на памятниках пьяноборской культуры. В силу значительного объема материала и стремления к комплексному анализу, учитывающему не только сами артефакты, но и археологический контекст их обнаружения, исследование разделено на серию публикаций. В предыдущей работе [Саттаров, Красноперов, Воронкова, 2025] был представлен общий обзор этих находок и намечены перспективные направления дальнейших исследований. Целью предлагаемой статьи является публикация закрытых комплексов, содержащих бусы двух типов: в виде львов и жуков-скарабеев, и их характеристика. Эти типы объединены для анализа в связи с их регулярным совместным нахождением в закрытых комплексах.

Бусины столь характерной формы сразу привлекали внимание археологов и неоднократно упоминались в сводках и перечнях находок. Однако, как ни странно, далеко не все упоминания сопро-

вождались изображениями или подробным описанием контекста. Главная проблема заключается в том, что, за исключением материалов Тарасовского могильника (но это всего одно погребение), эти бусины практически никогда не публиковались в контексте полных комплексов находок. В результате читателю приходится самостоятельно реконструировать такие комплексы, используя разрозненные указания на типы вещей из других могильников (напр., Чегандинский II мог.), либо полагаться на информацию, содержащуюся в труднодоступных отчётах и музейных коллекциях. В рамках данного исследования авторы провели масштабную работу по сбору и сопоставлению всех доступных источников, включая официальные отчёты о раскопках, полевые материалы и черновики, описи, музейные коллекции, публикации, а также собственные наработки. Это позволило уточнить и переосмыслить ранее высказанные положения [Красноперов, 2009. С. 93–96. Рис. 2, 5; Левкова, Саттаров, 2017; Саттаров, 2019. С. 77–82. Прил. 3: 48–1316. Рис. 5; 6].

На сегодняшний день известна 21 бусина в виде льва и скарабея, которые происходят из пяти могильников¹.

¹ Описания погребений даются в сжатом формате, содержат минимальные сведения об обряде и краткий перечень находок. Это обусловлено двумя основными причинами: во-первых, часть исследуемых памятников уже была опубликована ранее, что позволяет избежать повторений; во-вторых, некоторые памятники остаются неизданными, что накладывает ограничения на детализацию описаний. Карта памятников опубликована ранее [Саттаров, Красноперов, Воронкова, 2025. Рис. 1].

Материалы и методы

1. Афонинский могильник (Сарапульский р-н, Удмуртская Республика) (2 экз.). Пьяноборская и мазунинская культуры.

Могильник исследовался в течение четырех лет (1977–1980 гг.) [Клюева, 1977; 1980; Ютина, 1979; 1980]. В 1977 и 1980 гг. на памятнике проводила раскопки Г.Н.Клюева, в 1978–1979 гг. – Т.К.Ютина. Общее количество изученных погребений – 215. Т.К.Ютиной могильник был отнесен к кругу памятников переходного типа от пьяноборской к мазунинской культурам и датирован II–IV вв. н.э. [Ютина, 1980. С. 183], Г.Н.Клюева датирует памятник I–III вв. н.э. [Клюева, 1980. С. 4]. В ходе раскопок, проведенных Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1980 г., в трех погребениях были обна-

ружены скульптурные фаянсовые бусы. В двух из этих погребений бусы имели форму льва и скарабея (СИАХМЗ, колл. СКМ-1054А) [Клюева, 1980].

Погребение 121. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине, руки согнуты в локтях и скрещены на тазу. За черепом три бронзовые бляшки (рис. 1, 1). Слева от головы жертвенный комплекс, включающий 5 бронзовых бляшек, 78 бронзовых пронизок (рис. 1, 7), 14 золотостеклянных бусин (рис. 1, 2), многовитковый железный браслет (рис. 1, 2), разломанную бронзовую бляху из зеркала (рис. 1, 2). На груди скопление бисера (рис. 1, 3) и бусина в виде льва (рис. 1, 3), низка бронзовых пронизок, 4 височные подвески (рис. 1, 5). В области пояса фрагменты железного ножа (рис. 1, 6).

Рис. 1. Афонинский могильник, п. 121. 1 (1, 2) – бляшки; 2 (3) – бляха; 2 (1), 3, 4 – бусы; 5 (1–4) – височные подвески; 6 (1, 2) – нож и шило; 7 – пронизки. 1 (1, 2), 2 (3), 7 – бронза; 2 (2), 2 (1), 3, 4 – стекло, фаянс; 6 (1, 2) – железо. Коллекция СИАХМЗ. Здесь и далее номера вещей соответствуют номерам на плане

Fig. 1. Afoninsky cemetery, burial 121. 1 (1, 2) – plaques; 2 (3) – buckles; 2 (1), 3, 4 – beads; 5 (1–4) – temple pendants; 6 (1, 2) – knife and stitching awl; 7 – beadings. 1 (1, 2), 2 (3), 7 – bronze; 2 (2), 2 (1), 3, 4 – glass, faience; 6 (1, 2) – iron. Collection of the Sarapul History & Architecture Art Museum and Reserve. Hereinafter the item numbers match the numbers in the plan

Погребение 131. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине, грудная часть обожжена. У висков по две бронзовых бляшки (рис. 2, 1), под черепом бисер (рис. 2, 7). Слева от черепа жертвенный комплекс: бронзовые пронизки, золотостеклянные бусы и бусина в виде скарабея (рис. 2, 2), железный браслет (рис. 2, 2). В области левой лопатки бронзовые височная подвеска (рис. 2, 3), большая бляха «языковидной» формы (рис. 2, 4), железные шило и нож (рис. 2, 5, 6). На левом запястье бронзовые пронизки и бисер. Между стопами застёжка с неподвижным крючком (рис. 2, 9).

2. Тарасовский могильник (Каракулинский р-н, Удмуртская Республика) (3 экз.). Пьяноборская и мазунинская культуры.

Открыт Н.Л. Решетниковым в 1979 г. при осмотре места проведения работ по установке нефтескважины. С 1980 по 1997 г. раскопки памятника велись КВАЭ под руководством Р.Д. Голдиной. Общее количество изученных погребений – 1880. Датирован I–V вв. н.э. [Голдина, 2003]. Фаянсовые бусы найдены в одном погребении.

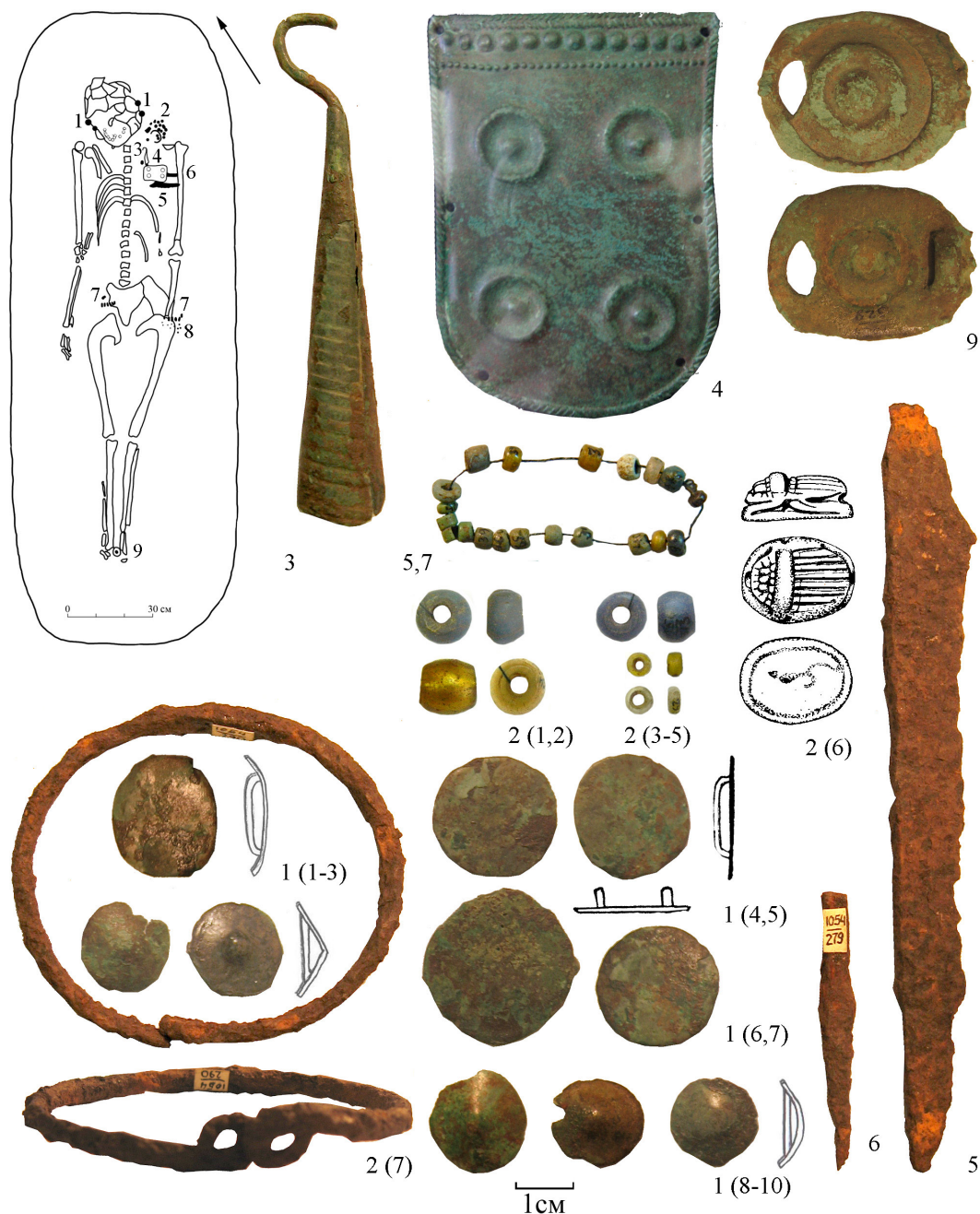

Рис. 2. Афонинский могильник, п. 131. 1 (1–10) – бляшки; 2 (1–6), 5, 7 – бусы; 2 (7) – браслет; 3 – височная подвеска; 4 – бляха; 5, 6 – нож и шило; 9 – застёжка с неподвижным крючком. 1 (1–10), 3, 4, 9 – бронза; 2 (1–6), 5, 7 – стекло, фаянс; 2 (7), 5, 6 – железо. Коллекция СИАХМЗ

Fig. 2. Afoninsky cemetery, burial 131. 1 (1–10) – plaques; 2 (1–6), 5, 7 – beads; 2 (7) – bracelet; 3 – temple pendant; 4 – buckle; 5, 6 – knife and stitching awl; 9 – solid hook fastener. 1 (1–10), 3, 4, 9 – bronze; 2 (1–6), 5, 7 – glass, faience; 2 (7), 5, 6 – iron. Collection of the Sarapul History & Architecture Art Museum and Reserve

Погребение 661. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине. В области черепа бронзовые: 6 бляшек (рис. 3, 36–41), 6 подвесок (рис. 3, 22–27), фрагменты железной вещи. В ногах слева жертвенный комплекс: стеклянные, фаянсовые и каменные бусы (рис. 3, 1–20), бронзовые: 5 бляшек (рис. 3, 33–35), 3 височные подвески (рис. 3, 28–30), браслет (рис. 3, 42), подвеска. На стопах по одной бронзовой обувной накладке (рис. 3, 43, 44) [Голдина, 2003. С. 117; 2004. Табл. 278]. Фаянсовые бусы не отмечены в публикации, известны только по фотографии в отчете [Голдина, 1985. Рис. 137] (рис. 3, 6, 19, 21).

3. Чегандинский II могильник (Каракулинский р-н, Удмуртская Республика) (4 экз.). Пьяноборская культура.

В 1954–1956 гг. могильник полностью исследован В.Ф. Генингом. Всего изучено 220 погребений, датированных III в. до н.э. – II в. н.э. В трех погребениях могильника обнаружены скульптурные бусы из египетского фаянса. Бусы в виде льва и скарабея найдены в двух погребениях [Генинг, 1971].

Погребение 23. Могильная яма не зафиксирована. Детский костяк лежал вытянуто на спине (рис. 4Б). На груди бронзовые: 7 бляшек (рис. 4Б, 3),

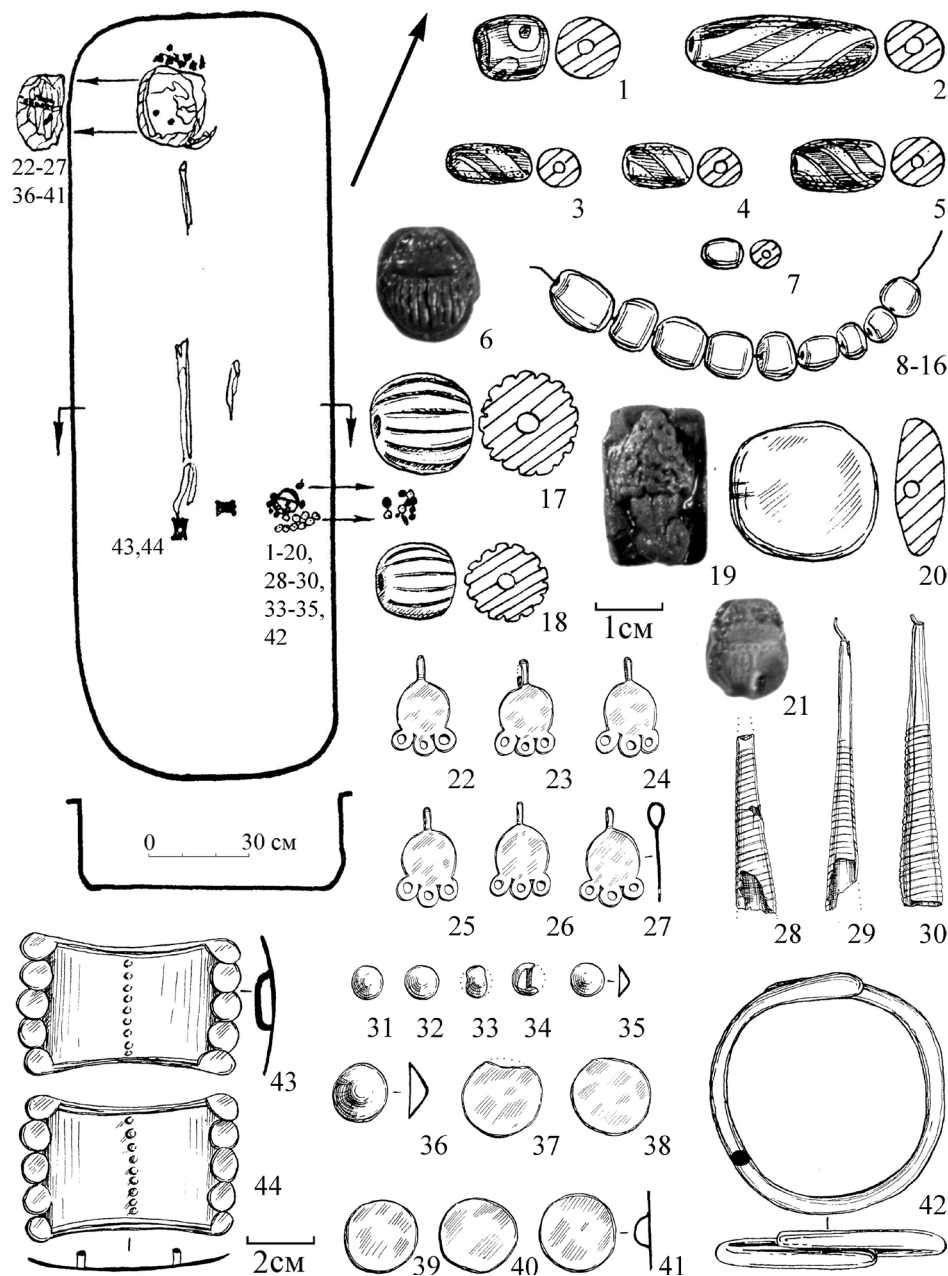

Рис. 3. Тарасовский могильник, п. 661. 1–21 – бусы; 22–27 – подвески; 28–30 – височные подвески; 31–41 – бляшки; 42 – браслет; 43, 44 – обувные застёжки (по: [Голдина, 1985. Рис. 137, 3; 2003. Табл. 278]). 1–21 – стекло, фаянс, камень (халцедон); 22–44 – бронза

Fig. 3. Tarasovsky cemetery, burial 661. 1–21 – beads; 22–27 – pendants; 28–30 – temple pendants; 31–41 – plaques; 42 – bracelet; 43, 44 – shoe fasteners (acc. to: [Goldina, 1985. Fig. 137, 3; 2003. Table 278]). 1–21 – glass, glass, stone (chalcedony); 22–44 – bronze

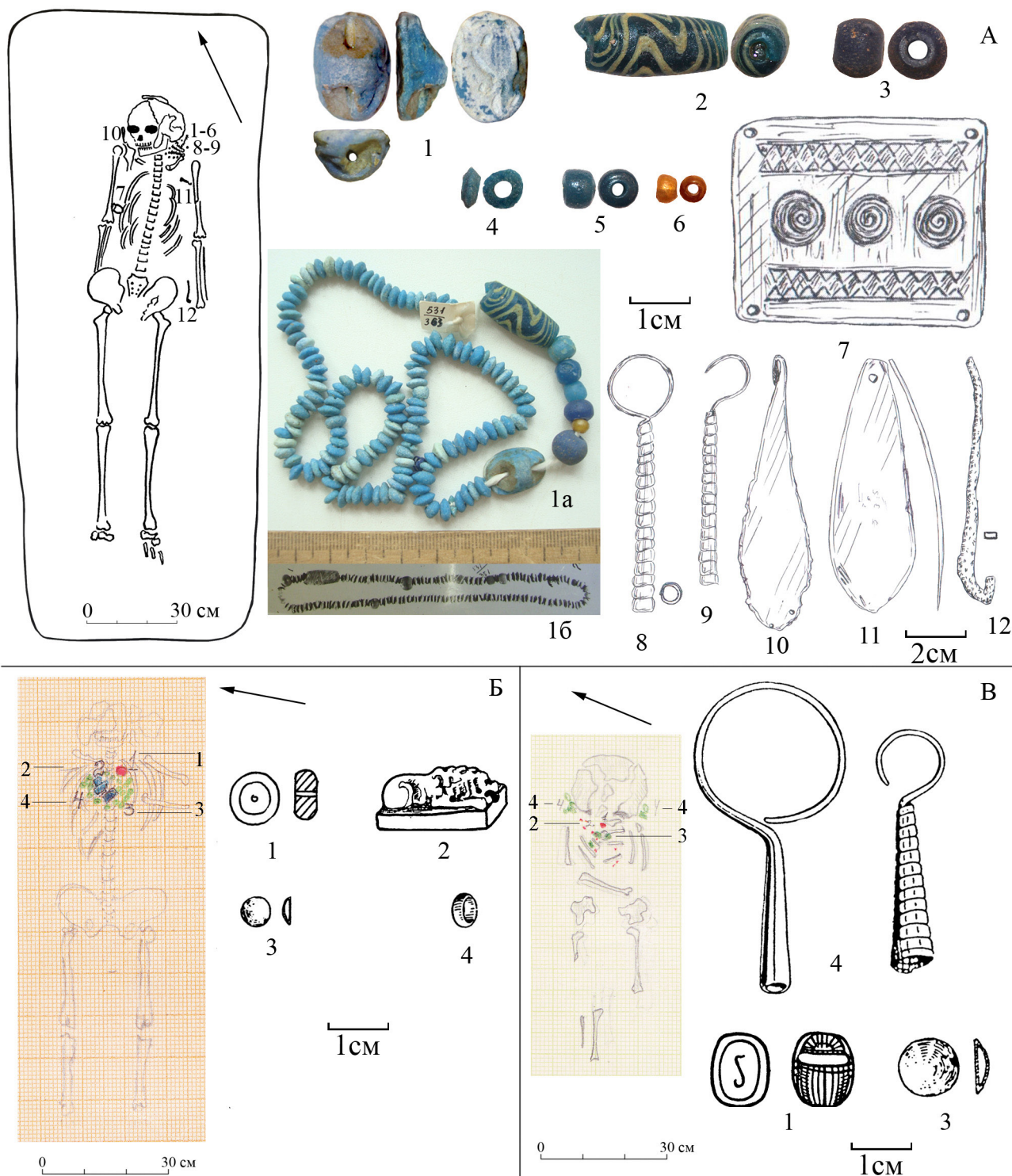

Рис. 4. А – Юлдашевский могильник, п. 74. 1–6 – бусы; 7 – накладка; 8–11 – височные подвески; 12 – крючок (по: [Пшеничнюк, 1971. Рис. 119; 121, 1]). 1–8 – стекло, фаянс; 7–11 – бронза; 12 – железо. Коллекция МАЭ ИЭИ УНЦ РАН
 Б – Chegandinsky II могильник, п. 23. 1, 2 – бусы; 3 – бляшка; 4 – пронизка. 1, 2 – стекло, фаянс; 3, 4 – бронза. План – по: *Генинг, л. 204; публикуется впервые
 В – Chegandinsky II могильник, п. 64. 1 – бусина; 3 – бляшка; 4 – височные подвески. 1 – фаянс, 3, 4 – бронза. План – по: *Генинг, л. 288; публикуется впервые

Fig. 4. A – Uldashevsky cemetery, burial 74.

1–6 – beads; 7 – patch; 8–11 – temple pendants; 12 – hook (acc. to: [Pshenichnyuk, 1971. Fig. 119; 121, 1]). 1–8 – glass, faience; 7–11 – bronze; 12 – iron. Collection of the the Museum of Archaeology and Ethnography under the RAS Ufa Scientific Centre Institute of Ethnological Research

Б – Chegandinsky II cemetery, burial 23. 1, 2 – beads; 3 – plaque; 4 – beading. 1, 2 – glass, faience; 3, 4 – bronze. Plan acc. to: *Gen- ing, 204; first published

В – Chegandinsky II cemetery, burial 64. 1 – bead; 3 – placque; 4 – temple pendants. 1 – faience, 3, 4 – bronze. Plan acc. to: *Gen- ing, 288; first published

18 пронизок (рис. 4Б, 4), одна синяя стеклянная бусина (рис. 4Б, 1) и три фаянсовые бусины в виде льва (рис. 4Б, 2) [Генинг, 1971. С. 14].

Погребение 62. Могильная яма не зафиксирована. Детский костяк вытянуто на спине (рис. 4В). У висков по одной височной подвеске (рис. 4В, 4). На груди под челюстью бронзовые: бляшки (рис. 4В, 3) и пронизки, стеклянные бусины и одна фаянсовая бусина в виде скарабея (рис. 4В, 1) [Генинг, 1971. С. 18].

4. Юлдашевский могильник (Илишевский р-н, Республика Башкортостан) (1 экз.). Пьяноборская культура.

Могильник в 1970–1971 гг. раскапывался А.Х. Пшеничнюком. За два года работ изучено 131 погребение. Памятник датирован автором полевых работ концом III в. до н.э. – I в. н.э. [Пшеничнюк, 1986]. Скульптурные бусы не упоминаются в отчете о раскопках и не изображены на фотографиях находок, но бусина в виде льва была выявлена Р.Р. Саттаровым при анализе коллекции в Музее археологии и этнографии (г. Уфа) в погребении 74 (МАЭ, колл. 531) (рис. 4А, 1).

Погребение 74. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине, правая кисть под тазом (рис. 4А). У висков и под черепом находились стеклянные бусы и 12 височных подвесок (рис. 4А, 1–6, 8–11). У правого локтя – ажурная накладка (рис. 4А, 7). Слева между тазом и рукой – железный крючок (рис. 4А, 12) [Пшеничнюк, 1986. С. 63].

5. Новосасыкульский могильник (Бакалинский р-н, Республика Башкортостан) (11 экз.). Пьяноборская, кушнаренковская, чияликская(?) культуры.

Могильник изучался в 1976–1977, 1979–1980 гг. С.М. Васюткиным и В.К. Калининым. Обнаружено 418 погребений, которые подразделяются на разные хронологические группы. Подавляющее большинство захоронений (415) относится к пьяноборской культуре. Пьяноборские захоронения, датируемые авторами раскопок I–III вв. н.э., долгое время оставались малоизвестными, несмотря на наличие обзорной статьи [Васюткин, Калинин, 1986]. Лишь недавно был опубликован ряд новых исследований по этому памятнику [Красноперов, 2011; Воробьева, 2018; Воробьева, Куфтерин, 2021]. Бусы из египетского фаянса представлены фигурными украшениями в виде лежащего льва, жука-скарабея, лягушки, гениталий, амфоры, виноградной грозди, спаренных полуцилиндров или «бинокля» и алтарика (всего 34 экз.). Бусы в виде лежащего льва и жука-скарабея – в пяти погребениях [Васюткин, Калинин, 1986].

Погребение 81. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине (рис. 5А). У висков три

бронзовых височных подвески (рис. 5А, 1–3). На груди рассыпаны стеклянные и фаянсовые бусины (рис. 5А, 4–6, 8, 9). Между тазом и левым локтем бронзовая застежка с неподвижным крючком (рис. 5А, 7) [Васюткин, Калинин, 1976]².

Погребение 187. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине, левая рука сильно согнута в локте кистью к подбородку (рис. 5Б). На груди костяная пронизка (рис. 5Б, 4), бусина из стекла (рис. 5Б, 3), две бусины из египетского фаянса (рис. 5Б, 2). Одна из них в виде жука-скарабея (рис. 5Б, 1) [Калинин, 1977].

Погребение 214. Простая могильная яма. Костяк уложен вытянуто на спине. Справа и слева у черепа 17 бронзовых височных подвесок, еще три у левого плеча (рис. 6, 2, 3). На шее ожерелье из бронзовых подвесок (рис. 6, 1), стеклянных и фаянсовых бус (рис. 6, 10). Поперек левой локтевой кости бронзовые бляшки. Вдоль правой руки составное украшение из бронзовых пронизок и концевой застежки (рис. 6, 4). На крестце бронзовая застежка с неподвижным крючком (рис. 6, 7). На безымянном пальце правой руки перстень (рис. 6, 8). На левой щиколотке сюльгама (рис. 6, 9), на правой – застежка с неподвижным крючком (рис. 6, 9) [Калинин, 1977].

Погребение 299. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине. Справа у головы четыре, слева – девять бронзовых височных подвесок (рис. 7, 1). На шее ожерелье из стеклянных и фаянсовых бусин (рис. 7, 3–6). Справа на поясе фрагменты ножа. На левом запястье железная пряжка (рис. 7, 8) (Калинин, 1986р)³.

Погребение 408. Простая могильная яма. Костяк вытянуто на спине. У правого виска одна височная подвеска, у левого – две (рис. 5В, 1). На шее – ожерелье из стеклянных (рис. 5В, 3–5) и фаянсовой в виде скарабея (рис. 5В, 2) бусин. На тазу слева – фрагменты пряжки. На правом запястье – фрагменты железного предмета и четыре бронзовых бляшки (рис. 5В, 6), на левом – три бронзовых бляшки (рис. 5В, 6) (Калинин, 1986р).

Результаты и обсуждение

Классификация бус в виде льва основана на форме постамента (овальный, прямоугольный), степени детализации фигурки, цвете глазури. Е.М. Алексеева предложила широкую датировку для выделенных девяти типов (Алексеева^{75–62–70}): I–II вв. н.э. (без учета смешанных комплексов). Все найденные в пьяноборском ареале экземпляры относятся к типу 68б – фигурки бирюзового цвета (один предмет двухцветный) на прямоугольной подставке [Алексеева, 1975. С. 44–45. Табл. 11, 18–29; 12, 3–5, 10, 16–18; 13, 30–32,

² На момент работы с коллекцией она находилась в стадии приема на хранение и имела учетные номера НМРБ, колл. ВХ181.

³ В архив были сданы отчеты только за три года раскопок: 1976, 1977, 1979. Отчет за 1980 г., видимо, не был написан. Описания погребений были подготовлены в качестве приложения к статье о Новосасыкульском могильнике в сборнике 1986 г., но по неизвестным авторам причинами этот текст (Калинин, 1986р: Калинин В.К. Дневник раскопок Ново-Сасыкульского могильника / Рукопись, [1986] // Архив авторов) так и не был опубликован.

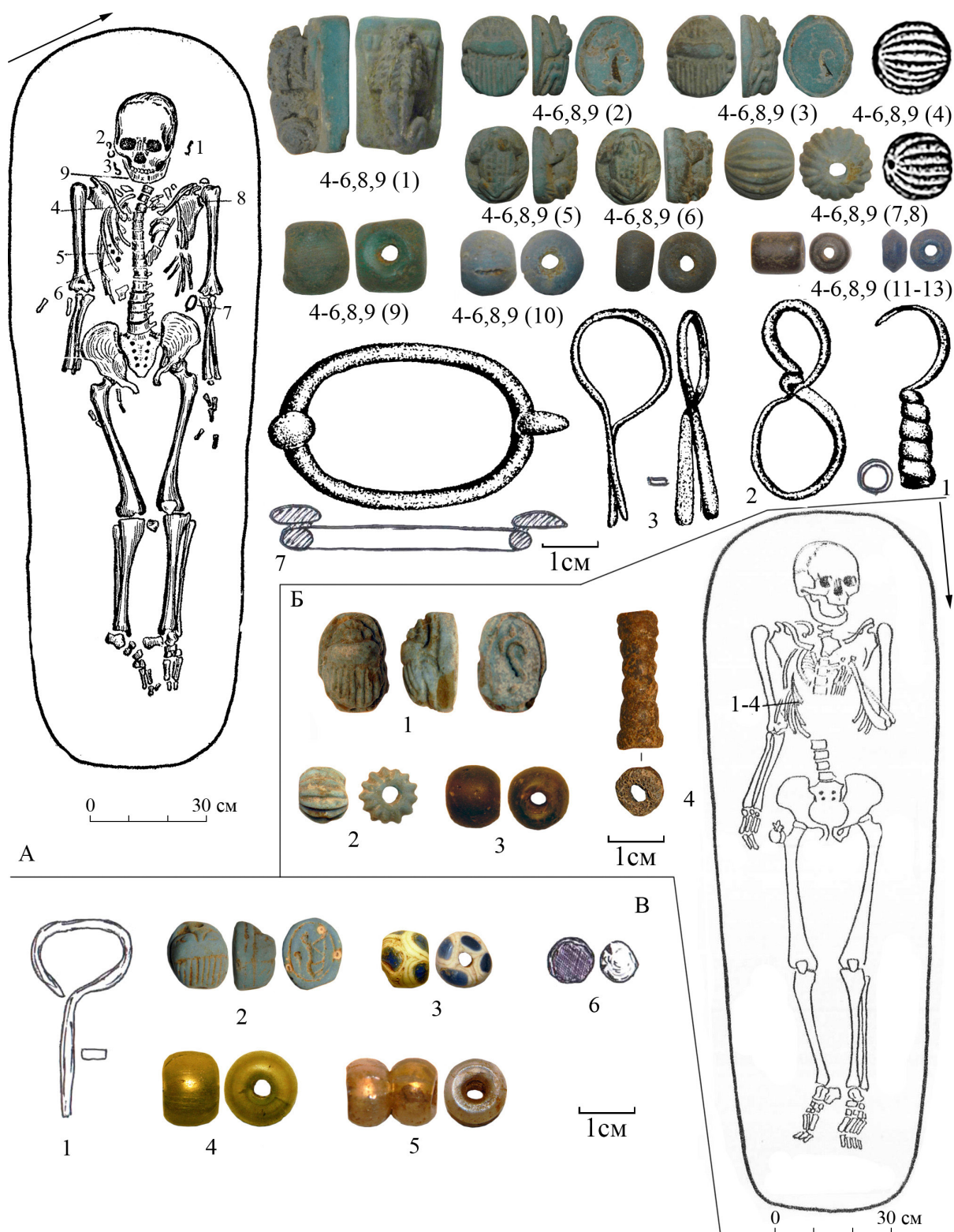

Рис. 5. А – Новосасыкульский могильник, п. 81. 1–3 – височные подвески; 4–6, 8, 9 (1–13) – бусы; 7 – застёжка с неподвижным крючком (по: [Васюткин, Калинин, 1976. Рис. 196; 197; 201]). 1–3, 7 – бронза; 4–6, 8, 9 (1–13) – стекло, фаянс. Коллекция НМРБ
 Б – Новосасыкульский могильник, п. 187. 1–3 – бусы; 4 – пронизка (по: [Калинин, 1977. Рис. 138]). 1–3 – стекло, фаянс; 4 – кость. Коллекция НМРБ

В – Новосасыкульский могильник, п. 408. 1 – височная подвеска; 2–5 – бусы; 6 – бляшка. 1, 6 – бронза; 2–5 – стекло, фаянс. Коллекция НМРБ

Fig. 5. A – Novosasykul'sky cemetery, burial 81. 1–3 – temple pendants; 4–6, 8, 9 (1–13) – beads; 7 – solid hook fastener (acc. to: [Vasyutkin, Kalinin, 1976. Fig. 196; 197; 201]). 1–3, 7 – bronze; 4–6, 8, 9 (1–13) – glass, faience. Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan

Б – Novosasykul'sky cemetery, burial 187. 1–3 – beads; 4 – beading (acc. to: [Kalinin, 1977. Fig. 138]). 1–3 – glass, faience; 4 – bone. Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan

В – Novosasykul'sky cemetery, burial 408. 1 – temple pendant; 2–5 – beads; 6 – plaque. 1, 6 – bronze; 2–5 – glass, faience. Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan

46]. Многие находки, или в силу технологии производства, или вследствие почвенных условий, имеют сероватый цвет и пористую поверхность.

В последнее время массив находок пополняется благодаря раскопкам в Крыму. Уточнение датировок закрытых комплексов подтвердило высказанные ранее даты: подавляющее большинство учтенных экземпляров происходят из комплексов

второй половины I в. до н.э. – II в. н.э., особая концентрация отмечена в погребениях I в. н.э., но спорадически они встречаются и в конце II – первой половине III в. н.э. [Стоянова, 2004. С. 287–288], одна находка отмечена в погребении, датированном второй половиной III в. (слобода Котова) [Труфанов, 2009. С. 253; Мошеева, 2010. С. 158–160].

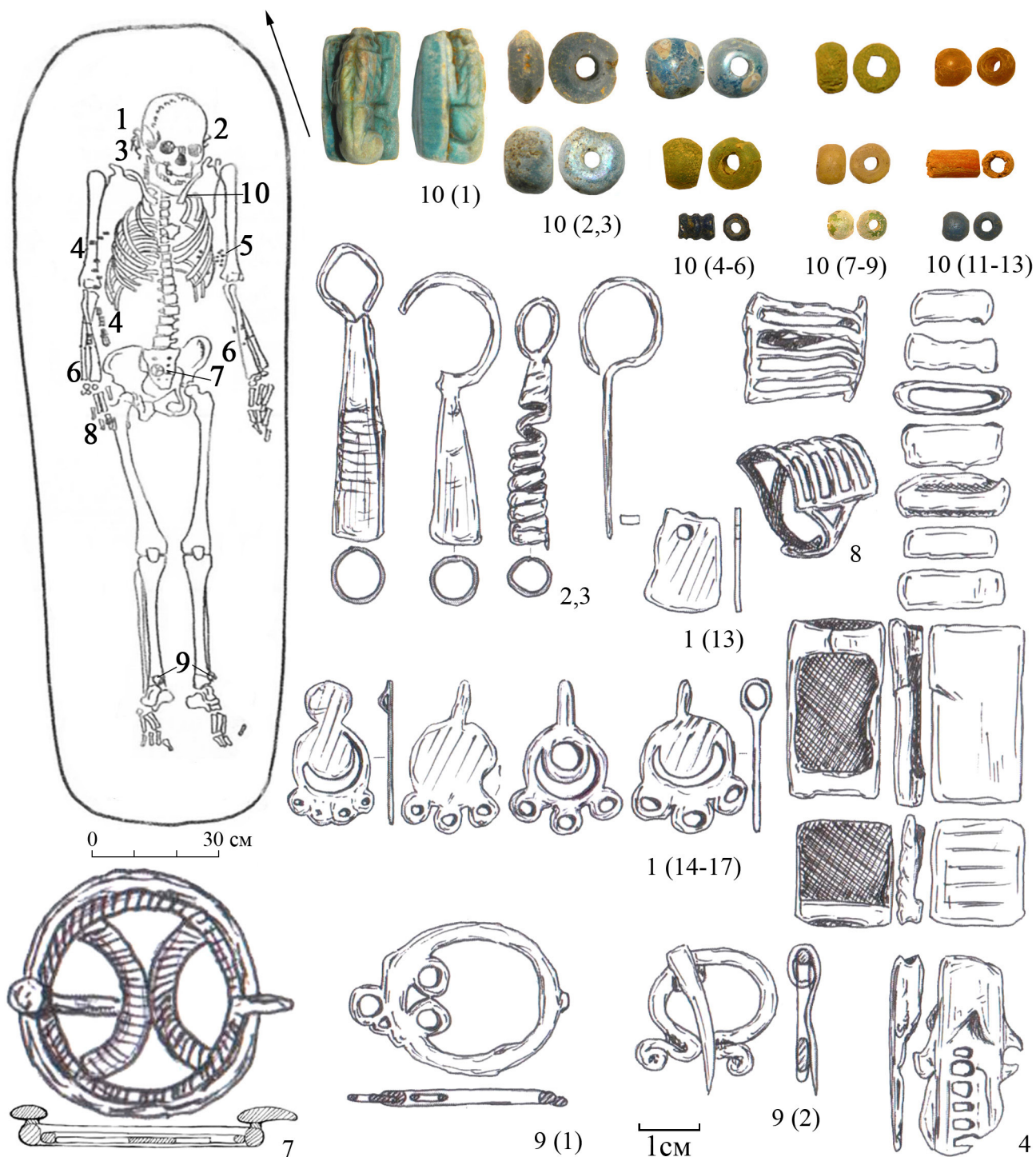

Рис. 6. Новосасыкульский могильник, п. 214. 1 – подвески; 2, 3 – височные подвески; 4 – составное украшение; 7, 9 (1) – застёжки с неподвижным крючком; 8 – кольцо; 9 (2) – сюльгама; 10 (1–13) – бусы (по: [Калинин, 1977. Рис. 188]). 1–4, 7–9 – бронза; 10 (1–13) – стекло, фаянс. Коллекция НМРБ

Fig. 6. Novosasykul'sky cemetery, burial 214. 1 – pendants; 2, 3 – temple pendant; 4 – compound embellishment; 7, 9 (1) – solid hook fasteners; 8 – ring; 9 (2) – syulgama; 10 (1–13) – beads (acc. to: [Kalinin, 1977. Fig. 188]). 1–4, 7–9 – bronze; 10 (1–13) – glass, faience. Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan

Типологические признаки для бусин в виде жуков те же, но возможны два варианта направления канала: вдоль и поперек. Е.М. Алексеевой также выделено девять типов (Алексеева, 1975: 75–45–53), общая «длинная» датировка – I–II вв. н.э. [Алексеева, 1975. С. 41–43. Табл. 9, 2–40; 10; 12, 27, 28; 13, 35–45]. Найденные в пьяноборских могильниках экземпляры относятся к типам 506, 50в и 526. Новыми исследованиями датировка оставлена в силе, но отмечено, что отдельные находки зафиксированы в могилах второй половины III в. н.э. (Дружное, м. 21/Е) [Стойнова, 2004. С. 288; Труфанов, 2009. С. 252–253. Рис. 73; Мошеева, 2010. С. 157–158].

В п. 81 Новосасыкульского могильника найдены также две бусины в форме лягушки (рис. 5, 4–6, 8, 9 / 5, 6). Это единственный случай для пьяноборской культуры. Такие бусы выделены Е.М. Алексеевой в тип 576 – пронизи бирюзово-

го цвета с продольным каналом [Алексеева, 1975. С. 43]. Датировка этих бус – в пределах двух веков, I–II вв. н.э., оснований для уточнения, ввиду редкости типа, нет.

К сожалению, датировка непосредственно «I–II вв. н.э.» очень широка, она полностью охватывает весь классический период пьяноборской культуры – время ее максимального расцвета, разнообразия комплекса и распространения самых выразительных форм украшений.

Анализ сопровождающего материала в 11 рассматриваемых погребениях не выявил устойчивых закономерностей и дополнительных внутренних связей. Лишь в двух случаях (Сасыкуль, п. 214, Тарасово, п. 661) были обнаружены шейные подвески [Голдина, Красноперов, 2012. Сх. 11. С. 67–68] (рис. 3, 22–27; 6, 1), а в трех (Афонино, п. 131, Сасыкуль, пп. 81, 214) – застежки с неподвижным

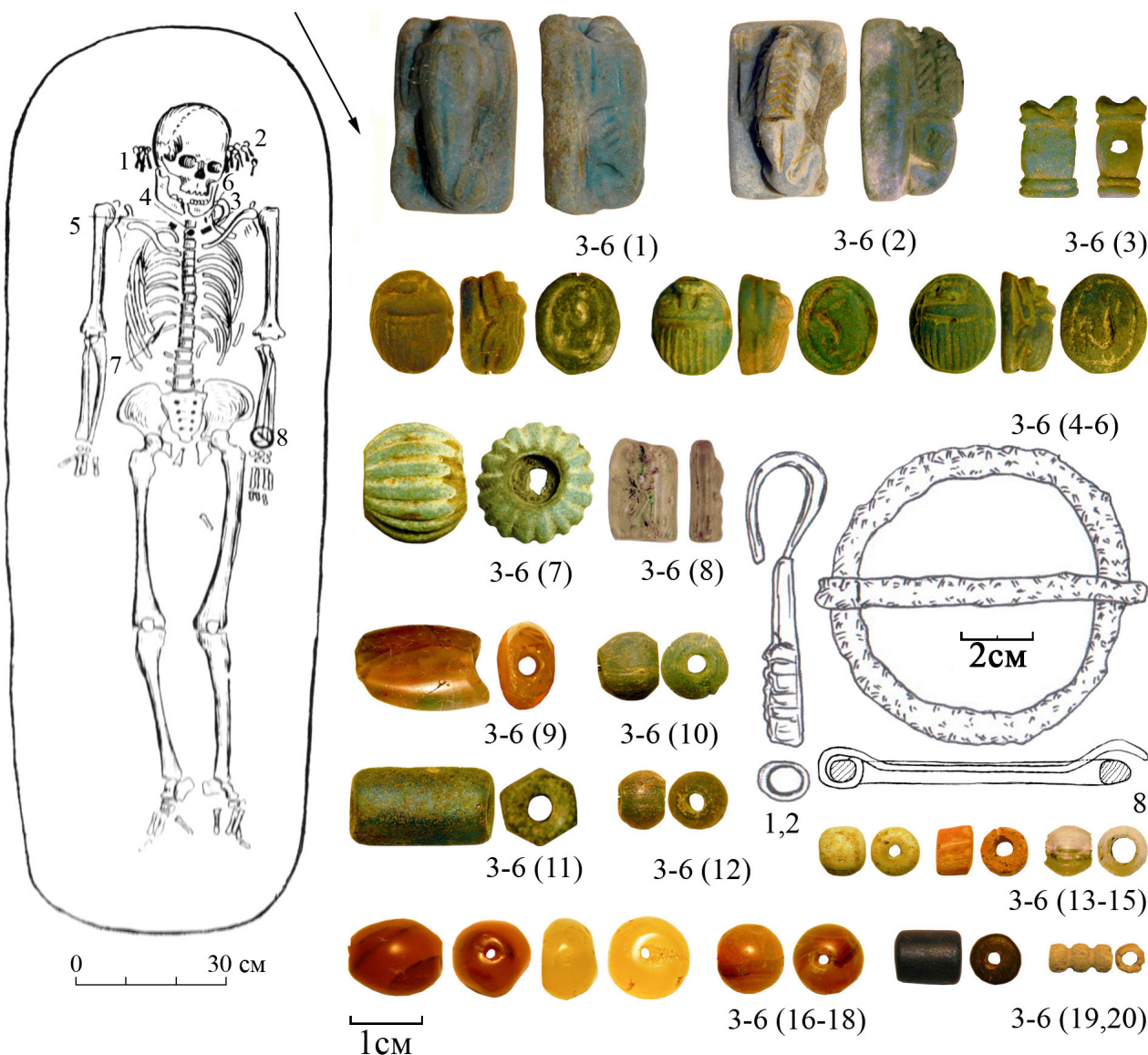

Рис. 7. Новосасыкульский могильник, п. 299. 1, 2 – височные подвески; 3–6 – бусы; 8 – пряжка (по: [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 3, 1]). 1, 2 – бронза; 3–6 (1–20) – стекло; фаянс, камень (сердолик); 8 – железо. Коллекция НМРБ

Fig. 7. Novosasykulytsky cemetery, burial 299. 1, 2 – temple pendants; 3–6 – beads; 8 – buckle (acc. to: [Vasyutkin, Kalinin, 1986. Fig. 3, 1]). 1, 2 – bronze; 3–6 (1–20) – glass; faience, stone (carnelian); 8 – iron. Collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan

крючком (рис. 2, 9; 5А, 7; 6, 7, 9), но различных типов [Голдина, Красноперов, 2012. Сх. 7. С. 59–61]. Из находок других типов бус привлекает внимание Сасыкуль, п. 408 (рис. 5В, 4, 5), Сасыкуль, п. 299 (рис. 7, 3–6–15), Афонино, п. 121 (рис. 1, 2) и Афонино, п. 131 (рис. 2, 2), где найдены золотостеклянные бусины средних размеров Алексеева-16/26; Сасыкуль, п. 408 с белой бусиной с синими глазками-пятнами Алексеева-75–68 [Алексеева, 1975. С. 67. Табл. 14, 22] (рис. 5В, 3), Тарасово, п. 661 (рис. 3, 1), Сасыкуль, п. 214 (рис. 6, 10–4) с синими/голубыми бусами с белыми глазками; Тарасово, п. 661, с бусами Алексеева-249 [Красноперов, 2009. С. 95. Рис. 4] (рис. 3, 3–5); Юлдашево, п. 74 (рис. 4А, 2) с веретеновидной бусиной с фестончатым орнаментом Алексеева-290 [Красноперов, 2009. С. 94–95. Рис. 3], как реже встречающиеся и узко датированные.

Большая часть сопровождающих находок из рассматриваемых погребений самостоятельных независимых дат не имеет. Но на отдельных моментах можно акцентировать внимание.

Ранее уже отмечено, что бусины в виде льва и жука образуют устойчивое сочетание в погребальных комплексах, часто дополняясь ребристыми бусинами [Саттаров, Красноперов, Воронкова, 2025. С. 284]. Однако, разнообразие других элементов в наборах бус указывает на то, что они, скорее всего, формировались не мастером-изготовителем, и не «продавцом», а «владельцем» в течение жизни конкретного человека. На эту же мысль наводят шейные подвески, являющиеся характерной деталью пьяноборских ожерелий.

В погребении 299 Новосасыкульского могильника найдена относительно крупная круглая железная пряжка (рис. 7, 8), типичная для пьяноборских комплексов. Самые ранние находки железных круглых пряжек с подвижным прямым язычком в европейской части относятся к I в. н.э., типичны они и для II в. н.э. [Абрамова, 1997. С. 209, 219]. В ставшей классической типологии В.Ю. Малашева [Малашев, 2000] как таковых пряжек без щитков не учтено, но очевидно, что они⁴ должны предшествовать группе Малашев-П1, и хронологической группе I, т.е. относятся ко времени ранее середины I в. н.э. – ранее начала ХГ-1 [Малашев, 2000. С. 209].

Обувные накладки с прогнутыми сторонами (рис. 3, 43, 44) составляют специфику удмуртской группы пьяноборских памятников (Афонинский, Ныргындинский I, Тарасовский могильники).

Ажурные накладки всегда индивидуальны, что затрудняет выделение типов («самостоятельные» типы описаны в: [Голдина, Красноперов, 2012. С. 56–57]). Экземпляр из Юлдашево, п. 74 (рис. 4А, 7) отнесен Б.Б. Агеевым к отделу Д, типу 7 вместе с находками КТ-35, Куш-III-14, 311, Нр-51, 125, СЧ-28, 29, Чг-167, Юлд-35, 74, 77 [Агеев, 1992. С. 39, 114. Табл. 9, 30]. Однако проверка указанных комплексов показала, что это довольно разнообразные по форме изделия, отнесение которых к одному типу неоправданно. Можно, скорее, поддержать точку зрения о том, что практически все типы ажурных накладок, по-видимому, датируются периодом после рубежа эр [Голдина, Красноперов, 2012. С. 57].

Антропологические определения известны лишь для четырех погребений⁵, что затрудняет обобщения. В двух случаях (Чегандинский II могильник) это детские захоронения. При этом, в отношении погребений девочек не исключено, что половая принадлежность определена на основании инвентаря, а не по антропологическим признакам. В Тарасовском могильнике исследовано погребение взрослой женщины (35–55 лет), а в погребении 121 Афонинского могильника – останки мужчины (20–35 лет)⁶. Таким образом, крайне ограниченная и разнородная выборка не позволяет сделать какие-либо статистически значимые выводы. Кроме того, нет достаточных оснований однозначно интерпретировать находки фаянсовых бус как амулеты. Из девяти погребений, для которых известны антропологические данные (по двум данным нет), только два являются детскими, а остальные принадлежат взрослым.

Исходя из этого, можно предположить, что для пьяноборцев такие бусины представляли собой, прежде всего, необычный предмет. Вероятно, население Прикамья не понимало смысл самих изображений: львы не являются частью местной фауны, а изображения скарабеев, возможно, были слишком стилизованы для распознавания. Единственным исключением может быть изображение «лягушки», но это единичная находка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П., 1997. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э., *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Т. VI. Симферополь, с. 209–229.
- Агеев Б.Б., 1992. *Пьяноборская культура*. Уфа: БНЦ УрО РАН, 140 с.
- Алексеева Е.М., 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. М.: Наука, 120 с. (САИ. Вып. Г1-12/1)
- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1976. *Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета*. (Архив ИА РАН. Р-1. № 6239, 6239а)

⁴ Имеет смысл описать их как ПО.

⁵ Коллекция Новосасыкульского могильника обработана В.В. Куфтериним [Куфтерин, 2020], но результаты полностью пока в научный оборот не введены.

⁶ Определение к.и.н. Г.В. Рыкушиной.

- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник, *Археологические работы в низовьях р. Белой*. Уфа: БФАН СССР, с. 95–122.
- Воробьева С.Л., 2018. Керамика пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника, *Уфимский археологический вестник*, вып. 18, с. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.006>
- Воробьева С.Л., Куфтерин В.В., 2021. Вооружение носителей пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника, *Поволжская археология*, № 1, с. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>
- Генинг В.Ф., 1971. *История населения удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э.* Ч. II. Ижевск; Свердловск; УрГУ, УдмНИИ ИЭЛЯ, 190 с. (ВАУ. Вып. 11)
- Голдина Р.Д., 1985. *Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1985 г. (Т. I. Тарасовский могильник)*. (Архив ИА РАН. Р-1. № 10995)
- Голдина Р.Д., 2003. *Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме*. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 724 с.
- Голдина Р.Д., 2004. *Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Каталог погребений*. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 318 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А., 2012. *Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме*. Ижевск: УдмГУ, 364 с. (МИКВАЭ. Т. 22)
- Калинин В.К., 1977. *Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1977 г.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 7104, 7104а)
- Клюева Г.Н., 1977. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1977 г. в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР*. (Архив ИА РАН. Р-1. № 6572)
- Клюева Г.Н., 1980. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР летом 1980 г.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 8113)
- Красноперов А.А., 2009. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа, *Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сб. к 70-летию П.Н. Старостина*. Казань: ИИ АН РТ, с. 92–105. (Археология Евразийских степей. Вып. 10)
- Красноперов А.А., 2011. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье, *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК*. Т. 2. Алматы, ИА им. А.Х. Маргулана, с. 228–238.
- Куфтерин В.В., 2020. Краниология Ново-Сасыкульского могильника, *Вестник Пермского университета. История*, № 1 (48), с. 82–96. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-1-82-96>
- Левкова К.С., Саттаров Р.Р., 2017. Фигурные украшения из египетского фаянса на территории западного Приуралья в раннем железном веке (к определению путей поступления бус пьяноборской культуры), *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Барнаул: АлтГУ, с. 616–617.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени, *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Гефест, с. 194–217. (МИАД. Вып. 1)
- Мошеева О.Н., 2010. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, *Нижневожский археологический вестник*, вып. 11, с. 147–169.
- Пшеничнюк А.Х., 1971. *Научный отчет об итогах полевых исследований на территории БАССР и Оренбургской области в 1971 г.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 4453, 4453а)
- Пшеничнюк А.Х., 1986. Юлдашевский могильник, *Археологические работы в низовьях р. Белой*. Уфа: БФАН СССР, с. 45–74.
- Саттаров Р.Р., 2019. *Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.)*. Дисс. на соиск. ... канд. истор. наук. Казань, 324 с.
- Саттаров Р.Р., Красноперов А.А., Воронкова М.С., 2025. Бусы из египетского фаянса в памятниках пьяноборской культуры, *Археология Евразийских степей*, № 1, с. 280–293. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.280.293>
- Стоянова А.А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.), *Боспорские исследования*. Вып. V. Симферополь; Керчь: Деметра, с. 263–320.
- Труфанов А.А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма IV в. до н.э. – III в. н.э., *Stratum plus*, № 4, с. 117–329.
- Ютина Т.К., 1979. *Отчет о раскопках Щенниковского поселения в Свечинском р-не Кировской области, Афониинского могильника в Сарапульском р-не УАССР, разведочных работах в Шабалинском р-не Кировской области, проведенных в 1979 г.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 7744)
- Ютина Т.К., 1980. Раскопки Афониинского могильника, *Археологические открытия за 1979 г.* М.: Наука, с. 182–183.

REFERENCES

- Abramova, M.P., 1997, “Chronological features of the North Caucasian buckles of the first centuries A.D.”, *Materials in Archaeology, history and ethnography of Tavria*, vol. VI, Simferopol, pp. 209–229. (In Russ.)
- Ageev, B.B., 1992, *The Pyany Bor culture*. BNC UrO RAN, Ufa, 140 p. (In Russ.)
- Alekseeva, E.M., 1975, *Antique beads of the Northern Black Sea region*. Nauka, Moscow, 120 p. (SAI, iss. G1-12/1) (In Russ.)

- Vasyutkin, S.M., Kalinin, V.K., 1976, *Report of the archaeological expedition of the University of Bashkortostan*. (Archive of IA RAN. R-1. № 6239, 6239a) (In Russ.)
- Vasyutkin, S.M., Kalinin, V.K., 1986, “Novo-Sasykul'sky burial ground”, *Archaeological works in the lower reaches of the Belaya River*, BFAN SSSR, Ufa, pp. 95–122. (In Russ.)
- Vorobyova, S.L., 2018, “Ceramic vessels of Pyany Bor culture according to the materials from Novo-Sasykul burial ground”, *Ufa Archaeological Herald*, vol. 18, pp. 75–85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.006>
- Vorobyeva, S.L., Kufterin, V.V., 2021, “Pyany Bor Culture Weapons According to Materials from Novo-Sasykul Burial Ground”, *The Volga River Region Archaeology*, no. 1, pp. 78–92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>
- Gening, V.F., 1971, *History of the population of the Udmurt Kama region in the Pyanobor era. The Chergandinsky culture of the III century B.C. – II century A.D.*, part II, UdmNII IELYa, Izhevsk, Sverdlovsk, 190 p. (In Russ.)
- Goldina, R.D., 1985, *Report on the work in the Udmurt ASSR and the Perm region in 1985 (Vol. I. Tarasov burial ground)*. (Archive of IA RAN. R-1. No. 10995) (In Russ.)
- Goldina, R.D., 2003, *Tarasov burial ground of the I–V centuries on the Middle Kama*. Vol. 2. Udmurtia, Izhevsk, 724 p. (In Russ.)
- Goldina, R.D., 2004, *Tarasov burial ground of the I–V centuries on the Middle Kama. Catalog of burials*. Vol. 1. Udmurtia, Izhevsk, 318 p. (In Russ.)
- Goldina, R.D., Krasnoperov, A.A., 2012, *Nyrgyndinsky I cemetery of the 2nd–3rd centuries*. UdmGU, Izhevsk, 364 p. (MIKVAE, vol. 22) (In Russ.)
- Kalinin, V.K., 1977, *Report on archaeological research of the Novo-Sasykul'sky burial ground in 1977*. (Archive of IA RAN. R-1. № 7104, 7104a) (In Russ.)
- Klyueva, G.N., 1977, *Report on archaeological research conducted in the summer of 1977 in the Karakulinsky and Sarapul'sky districts of the UASSR*. (Archive of IA RAN. R-1. No. 6572) (In Russ.)
- Klyueva, G.N., 1980, *Report on archaeological research conducted in the Karakulinsky and Sarapul'sky districts of the UASSR in the summer of 1980*. (Archive of IA RAS. R-1. No. 8113) (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A., 2009, “On the question of the chronology of the Pyanobor culture: notes on the statement of the answer”, *Ancient and medieval Archaeology of the Volga region: Collection dedicated to the 70th anniversary of P.N. Starostin*, IA AN RT, Kazan, pp. 92–105. (Archaeology of the Eurasian Steppes, iss. 10) (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A., 2011, “On attribution of finds from the excavations of the Tarasov burial ground of the Late Sarmatian period in the Kama region”, *Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects: materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th anniversary of the Institute of Archaeology named after A.H. Margulan of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, vol. 2, IA A.H. Margulan, Almaty, pp. 228–238. (In Russ.)
- Kufterin, V.V., 2020, “Craniology of Novo-Sasykul burial ground”, *Perm University Herald. History*, no. 1 (48), pp. 82–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-1-82-96>
- Levkova, K.S., Sattarov, R.R., 2017, “Figurative ornaments made of Egyptian faience on the territory of the Western Urals in the Early Iron Age (to determine the routes of receipt of beads of the Pyanobor culture)”, *V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, AltGU, Barnaul, pp. 616–617. (In Russ.)
- Malashev, V.Yu., 2000, “Periodization of belt sets of the late Sarmatian period”, *Sarmatians and their neighbors on the Don*, Hephæstus, Rostov-on-Don, pp. 194–217. (MIAD, iss. 1) (In Russ.)
- Mosheeva, O.N., 2010, “Egyptian faience in Sarmatian burials of the Lower Volga region”, *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 11, pp. 147–169. (In Russ.)
- Pshenichnyuk, A.H., 1971, *Scientific report on the results of field research in the territory of the BASSR and the Orenburg region in 1971*. (Archive of IA RAN. R-1. № 4453, 4453a) (In Russ.)
- Pshenichnyuk, A.Kh., 1986, “Yuldashevsky burial ground”, *Archaeological works in the lower reaches of the Belaya River*, BFAN SSSR, Ufa, pp. 45–74. (In Russ.)
- Sattarov R.R., 2019. *Imported objects in the Pyanobor culture (the end of the II century BC – II century AD)*. Dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Kazan, 324 p. (In Russ.)
- Sattarov, R.R., Krasnoperov, A.A., Voronkova, M.S., 2025, “Beads made of Egyptian faience from the Pyany Bor culture sites”, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 1, pp. 280–293. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.280.293>
- Stoyanova, A.A., 2004, “Beads and pendants from the Neizac burial ground (based on the materials of excavations in 1996–2001)”, *Bosporos studies*, iss. V, Demeter, Simferopol, Kerch, pp. 263–320. (In Russ.)
- Trufanov, A.A., 2009, “Chronology of Cemeteries of Crimean Foothills of the 1st c. BC – 3rd c. AD.”, *Stratum plus*, no. 4, pp. 117–329. (In Russ.)
- Yutina, T.K., 1979, *Report on the excavations of the Schennikov settlement in the Svechinsky district of the Kirov region, the Afoninsky burial ground in the Sarapul'sky district of the UASSR, and exploration work in the Shabalinsky district of the Kirov region conducted in 1979*. (Archive of IA RAN. R-1. No. 7744) (In Russ.)
- Yutina, T.K., 1980, “Excavations of the Athonite burial ground”, *Archaeological discoveries in 1979*, Nauka, Moscow, pp. 182–183. (In Russ.)

Сведения об авторах

Рузиль Раильевич Саттаров, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Российская Федерация, г. Казань. E-mail: sattarov.rr@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4907-0221

Александр Анатольевич Красноперов, кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7931-4536

Галина Николаевна Журавлева, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, г. Ижевск. E-mail: gal003@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-8732-956X

Information About the Authors

Ruzil R. Sattarov, Cand. Sc. (History), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation, Kazan. E-mail: sattarov.rr@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4907-0221

Aleksandr A. Krasnoperov, Cand. Sc. (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: alexander.kaa@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7931-4536

Galina N. Zhuravleva, Cand. Sc. (History), Independent researcher, Russian Federation, Izhevsk. E-mail: gal003@yandex.ru., ORCID: 0009-0000-8732-956X